

СЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена проблеме возникновения письменности у восточных славян. Предлагается лингвистическая трактовка данной проблемы, на основании текстологического анализа источников и лингвистических данных обосновывается ошибочность утверждений о докирилловской восточнославянской протоглаголице и докирилловских переводах библейских книг на русском языке.

Ключевые слова: восточнославянская книжная традиция, докирилловская письменность, славянизмы, старославянский язык, русский язык.

Произошедший в советский период пересмотр позиций отечественной науки по вопросу происхождения восточнославянской письменности, обусловленный поисками «местных корней», стал поводом для продолжающейся дискуссии, в центре которой находятся вопросы об истоках восточнославянской книжной традиции, о т. н. «докирилловской древнерусской письменности» и «русских письменах». В разной степени и в разных ракурсах они затрагивались в трудах Д.С. Лихачева, Е.Э. Гранстрем, Э. Георгиева, А.С. Львова, П.Я. Черных, В.А. Истрина, Т.А. Ивановой, А.А. Гиппиуса и других исследователей. До сих пор они рассматривались в контексте исторических, археологических и эпиграфических реконструкций, но в силу недостаточности последних нуждаются в более широком анализе с привлечением лингвистических фактов. Цель статьи — показать на основании текстологических и лингвистических данных ошибочность утверждений о докирилловской восточнославянской книжности, в том числе о существовании русских переводов библейских книг.

Одним из важнейших исторических свидетельств начального этапа славянской письменности является «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, написанное болгарским книжником в конце IX века [1]. В этом памятнике, как и в других славянских и латинских источниках, совершенно определенно утверждается мысль о том, что именно св. Кирилл впервые создал собственное оригинальное письмо для славян, а о времени, которое предшествовало моменту появления «своего» письма, сказано, что «прежде» письмен (т. е. букв) не было, но по «чертам и резам» вели счет и гадали; крестившись же, какое-то время пользовались греческим и латинским письмом «без устройства». Весьма часто в публикациях об истории письменности свидетельства Храбра используются произвольно и искажаются. Распространенный мифосюжет, связанный с неверной интерпретацией «Сказания о письменах», построен на первой фразе, где упоминаются черты и резы. В.А. Истрин (а вслед за ним и некоторые современные авторы) использует строки о чертах и резах как свидетельство о докирилловском письме, но смысл фразы Храбра прямо противоположный, утверждаю-

---

* © Карпенко Л.Б., 2016

Карпенко Людмила Борисовна (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ший отсутствие букв у славян в эпоху язычества: «Прежде оубо словяне еще суще погани не имяху писмень...» [2]. Дальнейшее развертывание текста как раз и объясняет, как и когда св. Кирилл создал первые славянские письмена.

Другой мифосюжет – о старшинстве кириллицы, – как уже отмечалось нами, связан с ошибкой прочтения выражения «по чину греческих» в тексте «Сказания о письменах». В тексте Храбра о св. Кирилле сказано: «и сотвори имъ письмена ова убо по чину греческих писмень, ова же по словенской речи». Ошибка связана с неправильным пониманием слова **чин**. В библейском смысле употребленное Храбром слово **чин** не имеет в древнеславянском языке значения «образ», оно означает «ряд», «порядок следования» (ср.: И евангелие чтется по чину (Миняя праздничная. 23 апреля). Но если переводить «по образу греческих писмен», смысл искажается, на чем и основывается ошибочное представление о том, что Кирилл создал кириллицу, буквы которой «по образу» соответствуют греческим. Однако уникальность и ценность «Сказания о письменах» состоит в том, что оно (в совокупной целостности всего текста) дает ряд аргументов, бесспорно свидетельствующих о том, что Храбр пишет о глаголице, и подтверждающих ее атрибуцию Кириллу. Среди прочего на глаголицу указывает и названный Храбром состав букв: многократно Храбр повторяет, что Кирилл создал 38 букв. Однако «вопреки подсчетам Храбра» [3] некоторые авторы без серьезных оснований полагают, что их было не 38, а 36 или 32.

Не только «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, но и другой уникальный источник славянского средневековья – Пространное житие Константина-Кирилла – используется для подкрепления «оригинальных» версий о начале письменной истории славян. Фрагмент VIII главы Пространного жития в его обнаруженных списках содержит краткий сюжет о найденных в Херсонесе Кириллом Евангелии и Псалтыри, будто бы «писанных русскими письменами». Основываясь на этом фрагменте, П.Я. Черных в свое время решительно утверждал, что корсунские книги были написаны не только древнерусскими буквами, но и на древнерусском языке. Высказывалось предположение, что древним алфавитом корсунских книг могла быть глаголица [4].

Неоднократно в связи с этим указывалось, что в VIII главе Пространного жития в сюжете о знакомстве Кирилла в Херсонесе с восточными языками содержится дефект текста – описка при переписывании слова *сурьскы*, заключающаяся в перестановке букв и написании *русьскы*, откуда произошел миф о «русских письменах» (А. Вайан, Р. Якобсон, В. Кипарский и др.). Эта – очевидная ошибка, какие не редкость в древних памятниках, также никоим образом не согласуется с общим содержанием памятника, в котором не только не сказано об использовании Кириллом в качестве образца для своей азбуки каких-либо русских букв, но, напротив, подчеркнута его заслуга как первосоздателя славянской азбуки. Подробный разбор мнений содержится в опубликованных комментариях Б.Н. Флори и др. [5]. Однако сторонники идеи «русских писмен» полагают, что Евангелие и Псалтырь сначала были на древнерусском языке, и Кирилл использовал уже существовавший древнерусский перевод. Вопрос о «русских письменах» Т.А. Иванова называет «дискуссионным» и «неразрешимым» при отсутствии корсунских книг [6].

Однако свидетельством книжной традиции и того, как она развивалась у восточных славян, являются факты русского и церковнославянского языков. Удивительно, что историки письменности не обратили до сих пор на лингвистическую аргументацию. При отсутствии «корсунских книг» предположение о «русских письменах» может быть верифицировано или отвергнуто исходя из языковых фактов. К тому, что уже было сказано по поводу «русских писмен», добавим следующее: язык является важнейшим и наиболее доказательным свидетельством начала книжной традиции у славян. С лингвистической точки зрения нет оснований для дискуссии на тему, были

ли Евангелие и Псалтырь на русском языке до Кирилла. Их не могло быть потому, что для перевода библейского текста нужен был не только алфавит, но прежде всего разработанный книжный язык – с религиозными и философскими номинациями вроде *апостольство, крещение, восходящий, нисходящий, едиnorodный Сын, первородный* и под., с переведенной на славянский язык библейской фразеологией (*глас вопиющего в пустыне, глаголы уст, ищите и обряцете* и пр.), со сложными стилистическими фигурами и регистрами, с разработанным синтаксисом. Такого книжного языка у славян до Кирилла и Мефодия не было. Главная заслуга братьев в том, что именно ими были разработаны основы общеславянского книжного языка – старославянского (в другом терминологическом обозначении – древнеболгарского, древнецерковнославянского), и этот язык впервые получил свое выражение в осуществленных братьями переводах Евангелия, Псалтыри и Апостола. Запечатленный в первых переводах, язык обладал всеми достоинствами классического языка – строгой системностью, выразительностью и отточенностью грамматических форм и богатством словаря. В дальнейшем все славянские литературные языки формировались под влиянием старославянского языка, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные модели. Этот невероятный по сложности и нацеленности в будущее «проект» могли осуществить только выдающиеся филологи, которых и прославила славянская Церковь и Церковь Рима в документах, сообщающих непротиворечиво об одном и том же: создателем славянской письменности были Кирилл и Мефодий.

Опыт двух с половиной столетий изучения всех имеющихся источников свидетельствует о том, что до миссионерской деятельности равноапостольных святых братьев Константина-Кирилла Философа и Мефодия у славян **развитой** письменности не было. Развитой, то есть приспособленной для фиксации текстов, соответствующих понятию *книжности*. Исторической реальностью является именно то, что древнейшие славянские рукописи, дошедшие до нас (они условно датируются X веком), написаны глаголическим письмом на древнецерковнославянском языке, иначе называемом. Объективно существует двусторонняя связь между понятиями «древнецерковнославянский язык» и «глаголица». Эта связь обнаруживает себя в следующем:

- 1) древнейшие церковнославянские тексты написаны на глаголице;
- 2) древнеславянская глаголица периода старославянской книжности X–XI вв. (и позднее – древнерусской) имеет характер исключительно **сакрального христианского** письма, что подтверждается как содержанием рукописей, так и традицией их хранения в монастырях Афона и Синая вплоть до XIX–XX вв.

Древнейшими глаголическими памятниками (они преобладают над кириллическими – как рукописные, так и эпиграфические – и по языку старше кириллических) являются памятники церковнославянской книжности, своим происхождением связанные с кирилло-мефодиевской традицией. Это – известные эпиграфические памятники (глаголический алфавит на стене крестильни в Круглой церкви Преслава, столицы Болгарии эпохи царя Симеона, надписи из болгарского села Равна) и памятники рукописные богослужебного содержания (Ассеманиево евангелие, Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Синайская псалтырь и др.).

Существует известное различие между старославянским и восточнославянским языками, отмеченное еще А.Х. Востоковым в «Рассуждении о славянском языке» (1820). Обратимся далее к славянизмам как важнейшему свидетельству книжной традиции. Языковые особенности, последовательно отраженные в древнейших старославянских памятниках глаголического письма (рефлексы, присущие только диалектам древнеболгарского языка, в виде сложных звуков [ш'т'] на месте *tj и [ж'д'] на месте *dj; [ш'т'] на месте *kt(i) *gt(i); свойственного именно болгарским диалектам согласного [дз']; отражение широкого произношения гласного звука [м]; сохранение носовых;

лексические болгаризмы, воспринятые из протоболгарского языка и отраженные в глаголических памятниках (бисъръ, ковчегъ, коумирьскъ, чрътогъ и др.); заимствования из народного греческого языка; грамматические болгаризмы (использование кратких форм личных местоимений в притяжательном значении; использование форм существительных с постпозитивным указательным местоимением (работъ); появление да-конструкции вместо инфинитива; использование да-конструкции в функции желательного наклонения (да му зъло не сътвориши); образование сложного будущего с модальным глаголом желания и др. — со всей определенностью указывают на южнославянскую болгаро-македонскую народно-разговорную основу старославянского языка. И поскольку эти языковые особенности отражены в древнейших славянских памятниках, написанных на глаголице, восточнославянское (древнерусское) происхождение глаголицы исключается.

Из двух традиций та старше, которая оставила следы влияния в смежной традиции. Именно такой и является созданная Кириллом и Мефодием старославянская (древнеболгарская по народно-языковой основе) книжно-письменная традиция. Славянской исторической филологии не известны никакие памятники книжности (тем более христианские богослужбные) на древнерусском языке, которые не являлись бы продолжением кирилло-мефодиевской традиции и не были бы вторичны по отношению к ней. Все, что у восточных славян появляется на глаголице (включая граффити храмов св. Софии в Киеве и в Новгороде Великом), — вторично по отношению к южнославянской традиции и имеет сакральный, христианский характер. Древнейшие кириллические датированные рукописи, написанные на Руси, — Остромирово евангелие (1056–1057), Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г. и др. — представляют собой списки со старославянских оригиналов. Они в значительном количестве содержат славянизмы — следы влияния старославянского языка на древнерусский. Если бы раньше существовал древнерусский книжный язык, то сказалось бы влияние древнерусского языка на старославянский. Тогда в старославянских текстах мы наблюдали бы полногласие, начальное *po-* на месте *pa-*; начальное *y*, а не *ю*; [ч'] из *kt(i) *gt(i) на месте [ш'т']; [ж'] из *dj; на месте [ж'д']; [ч'] из *tj вместо [ш'т']; наблюдали бы утрату носовых, сохранение редуцированных и т. д. Но старославянский язык не содержит ни единого следа влияния со стороны древнерусского языка. Тогда как в русском даже спустя тысячелетие обильно представлены славянизмы. Многие из них потеснили древнерусские лексемы: *время*, а не *веремья*; *просвещение*, а не *просвечение*; *хождение*, а не *хожение*, *осужденный* а не *осуженный*; *рождение* — *рожденный*, а не *рожение* — *роженный* и т. д. Примечательно, что в русском языке фонетический рефлекс [жд] представлен даже шире, чем в старославянском языке, влиянием которого он обусловлен. Следствием прихода на Русь старославянской книжности стало взаимодействие древнерусского и старославянского языков, в значительной степени близких друг другу в силу их принадлежности к одной группе славянских языков. Русский литературный язык на протяжении многих столетий формировался в условиях русско-славянского двуязычия, когда в его функциональную парадигму родственный церковнославянский язык входил на правах основной системы. И здесь мы сталкиваемся с поразительным феноменом установившегося исторического преемства восточнославянского русского литературного языка от церковнославянского языка, созданного на болгаро-македонской южнославянской языковой основе. В силу исторических обстоятельств — большей самостоятельности и независимости Руси, России — русский литературный язык стал прямым воспреемником церковнославянской традиции.

Таким образом, лингвистические характеристики древнеславянских языков и современного русского литературного языка, свидетельствующего о значительном влиянии на него старославянского языка, являются самым значимым и неоспоримым

аргументом в дискуссиях и о так называемых «русских письменах» и о природе глаголицы. Не только до Кирилла и Мефодия восточные славяне не имели своей книжности, они не располагали и собственным литературным языком, на котором могла бы быть создана книжность. Как и в более поздний период русского Предвозрождения, о котором пишет Д.С. Лихачев, «русские читали болгарские и сербские произведения, как свои» [7]. Ничего не меняют в вопросе о формировании письменной традиции эпиграфические находки на фрагментах керамики, пряслицах и других предметах, а также надписи с использованием греческих букв. Разрозненность этих находок, характер эпиграфики (знаки, метки, монограммы), единичность надписей [8] согласуются с общепринятым в палеославистике положением, что развитая письменность у славян, вылившаяся в книжную традицию, связана была с филологической деятельностью славянских первоучителей.

Библиографический список

1. Карпенко Л.Б. «Сказание о письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы // Преславска книжовна школа. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2004. Т. 7. С. 172–183.
2. О письменехъ Чръноризца Храбра. Усовский список. Л. 62. Цит. по: Я. Трёмбовольский Древнеболгарский памятник «О писменехъ Чръноризца Храбра» на Руси // *Palaeobulgarika*. 1989. № 4. С. 72.
3. Иванова Т.А. Глаголица: Новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // ТОДРЛ. 2004. Т. 56. С. 85.
4. Лихачев Д.С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности // Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 21.
5. Флоря Б.Н. Комментарии к Житию Константина // Сказания о славянской письменности. М.: Наука, 1981. С. 115–117.
6. Иванова Т.А. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950–1960) // Известия АН СССР Отделение литературы и языка 1963. Т. XXII. Вып. 2. С. 132.
7. Лихачев Д.С. Обращение к своей античности // Из истории русской культуры. М.: Изд-во «Языки русской культуры». Т. I. С. 725–731.
8. Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 176–195.

References

1. Karpenko L.B. «Skazanie o pis'menakh» Chernoriztsa Khrabra kak istochnik izucheniia glagolicheskoi problemy [«An Account of Letters» by Chernorizets Hrabar as a source of study of Glagolitic problem] in *Preslavska knizhovna shkola*. T. 7. Shumen: Universitetsko izdatelstvo «Episkop Konstantin Preslavski», 2004, pp. 172–183 [in Russian].
2. O pis'menekh» Chr'noriztsa Khrabra. Usovskii spisok. L. 62 Cited by: J. Trembovolsky Drevnebolgarskii pamiatnik «O pismenekh» Chr'noriztsa Khrabra» na Rusi [Old Bulgarian monument «An Account of Letters by Chernorizets Hrabar» in Russia] in *Palaeobulgarika*, 1989, no. 4, p. 72 [in Russian].
3. Ivanova T.A. Glagolitsa: Novye gipotezy (neskol'ko kriticheskikh zamechaniia po povodu novykh issledovaniia o pervoi slavianskoi azbuke) [The Glagolitic alphabet: New hypotheses (some critical remarks about the new studies about the first Slavic alphabet)]. *TODRL*, 2004, Vol. 56, p. 85 [in Russian].
4. Likhachov D.S. Neskol'ko zamechaniia o vzniknovenii russkoi pis'mennosti [Some remarks about the emergence of Russian writing] in *Likhachov D.S. Vozniknovenie russkoi literatury [The emergence of Russian literature]*. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1952, p. 21 [in Russian].

5. Florya B.N. Kommentarii k Zhitiuu Konstantina [Comments to the Life of Constantine] in *Skazaniia o slavianskoi pis'mennosti* [Legend on the Slavic Literature]. M.: Nauka, 1981, pp. 115–117 [in Russian].

6. Ivanova T.A. Voprosy vozniknoveniia slavianskoi pis'mennosti v trudakh sovetskikh i bolgarskikh uchenykh za poslednee desiatiletie (1950–1960) [Issues of emergence of Slavic Literature in the works of Soviet and Bulgarian scientists in the last decade (1950–1960)]. *Izvestiia ANSSSR. Otdelenie literatury i iazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of SSSR. Department of Language and Literature], 1963, Vol. XXII, Issue 2, pp. 132 [in Russian].

7. Likhachov D.S. Obrashchenie k svoei antichnosti [Appeal to our own antiquity] in *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of Russian culture]. M.: Izd-vo «Iazyki russkoi kul'tury», Vol. I, pp. 725–731 [in Russian].

8. Medyntseva A.A. Nadpisi na amfornoi keramike X – nachala XI v. i problema proiskhozhdeniia drevnerusskoi pis'mennosti [Inscriptions on the amphora ceramics of the X – beginning of the XI century and the problem of the origin of old Russian literature]. *Kul'tura slavian i Rus'* [Culture of the Slavs and Russia]. M., 1998, pp. 176–195 [in Russian].

L.B. Karpenko*

CHURCH SLAVONICISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS A REFLECTION OF BOOK TRADITION

The article deals with the emergence of writing in the eastern Slavs. It proposes a linguistic interpretation of the problem, based on the analysis of textual sources and linguistic data, substantiates the allegations of inaccuracy of East Slavic proto Glagolitic alphabet and translations of biblical books in the Russian language before Cyril.

Key words: Eastern Slavic book tradition, writing before Cyril, Church Slavonicisms, Old Slavonic, Russian language.

Статья поступила в редакцию 24/II/2016.
The article received 24/II/2016.

---

* *Karpenko Ludmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.